

О ТРАГИЧЕСКОМЪ НЕЧУВСТВИИ

(по поводу статьи Б. Вышеславцева «Трагизмъ возвышеннаго и спекуляція на пониженіе»).

Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу той части статьи, въ которой авторъ пытается опредѣлить духовную сущность коммунизма.

Статья эта очень характерна для того, что обыкновенно пишется и говорится въ современномъ христіанствѣ о коммунизмѣ. Этихъ характерныхъ чертъ двѣ: во первыхъ, непоколебимая увѣренность въ своей правотѣ и во-вторыхъ, упорное нежеланіе видѣть въ коммунизмѣ что-либо, кромѣ разгула низшихъ страстей. Мы, христіане, люди возвышеннаго, тонкой духовной оцѣнки; наше призваніе — подвигъ и жертвы. А тѣ — то профаны, говорящіе на своемъ хамскомъ нарѣчій, люди духовно помраченные, про которыхъ сказано, что чрево — ихъ богъ. Мы не должны смущаться тѣмъ, что сейчасъ успѣхъ на ихъ сторонѣ. Богъ видитъ правду и, когда придетъ время, Онъ ее скажетъ...

Таковъ общій тонъ статьи, такова точка зрѣнія большинства христіанъ. Есть, правда, христіане, которые совсѣмъ не такъ спокойны за свою судьбу и которые видятъ въ современныхъ потрясеніяхъ прежде всего справедливое наказаніе за наши грѣхи. Но при этомъ коммунизмъ обычно воспринимается лишь какъ орудіе Божіей кары. Взятый уже самъ по себѣ, онъ представляется такимъ же бессмысленнымъ и жестокимъ явленіемъ какъ какое нибудь землетрясеніе или повальная болѣзнь. И почти совсѣмъ не ставится вопросъ о смыслѣ коммунизма, именно какъ явленія общественнаго, какъ вызовъ христіанству, какъ попытки осуществить то, что давнымъ давно должны были сдѣлать христіане, — и не сдѣлали.

Если даже обликъ коммунизма, какъ онъ данъ въ статьѣ,

соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то и въ этомъ случаѣ, развѣ не наша вина, что мы, знающіе высшую правду, не сумѣли передать ея другимъ? Что Россія стала ареной войны противъ Бога? Развѣ каждый ударъ по церкви не есть результатъ прямого попустительства съ нашей стороны? А что если въ коммунизмѣ есть нѣчто большее чѣмъ только борьба за сытое чрево? Въ статьѣ много говорится о тонкомъ умѣни христіанъ давать нравственную оцѣнку. Но не проявляетъ ли современное христіанство исключительной духовной слѣпоты въ вопросахъ соціальныхъ? Не раболѣпствуетъ ли оно передъ господствующимъ общественнымъ строемъ? Можно ли на самомъ дѣлѣ сказать, что въ основѣ всякаго большевизанства лежитъ преклоненіе передъ техническими достиженіями коммунистовъ? Вѣдь англійскую или американскую молодежь никакими Днѣпростроями не удивишь. Не правильнѣе ли предположить, что они инстинктивно чувствуютъ въ коммунизмѣ какую то правду, какой то тревожный упрекъ?

Много вопросовъ возникаетъ при чтеніи статьи и, прежде всего, одинъ основной вопросъ. Да чѣмъ же, въ концѣ концовъ, объясняется господство коммунистовъ въ Россіи? Какимъ образомъ удалось имъ свергнуть Временное Правительство, выдержать ожесточенную гражданскую войну, разрушить вѣками сложившійся бытъ, повернуть жизнь страны по новому руслу и черезъ 15 лѣтъ все еще стоять у власти? Чѣмъ удалось имъ привлечь на свою сторону миллионъ обыкновенныхъ русскихъ юношей и дѣвушекъ? Неужели спекуляціей на пониженіе, обѣщаніемъ сытой и довольной жизни? Но давать такое объясненіе — это значитъ быть *plus royaliste que le roi*, это значитъ утверждать что экономическій факторъ играетъ въ жизни общества рѣшающую роль при чемъ утверждать это въ такой рѣзкой формѣ, на которую не согласится ни одинъ марксистъ. Если мы въ противоположность матеріалистическому пониманію исторіи придаемъ большое значеніе развитію и борьбѣ идей (чего впрочемъ не отрицаютъ и марксисты), то казалось бы, намъ слѣдовало въ первую очередь постараться найти ту *идею*, благодаря которой коммунисты одержали верхъ надъ своими противниками.

Меня вообще удивляетъ та легкость, съ которой эмиграція расточаетъ проклятія по адресу большевиковъ, какъ если бы каждое ругательство, брошенное въ нихъ рикошетомъ не поражало и насъ самихъ. Недавно мнѣ пришлось слышать, какъ одинъ видный русскій общественный дѣятель далъ такое опредѣленіе коммунистамъ (да еще передъ иностранной аудиторіей):

«Русскіе коммунисты, это обезьяны, умѣющія стрѣлять».

Очень хотѣлось мнѣ спросить этого дѣятеля: Кто же, въ такомъ случаѣ, мы, русскіе бѣженцы? Обезьяны, которыя не умѣютъ стрѣлять?

Теорія марксизма полна противорѣчій. Въ основу бытія кладется бездушная матерія — и эта же матерія надѣляется способностью къ діалектическому развитію. Отрицается свобода воли, — и весь марксизмъ есть сплошной призывъ къ дѣйствію, къ борьбѣ. Отрицается абсолютная мораль, — весь марксизмъ насквозь моралистиченъ. Въ виду этихъ противорѣчій, марксизмъ нельзя подводить подъ простыя, однозначныя опредѣленія. Марксизмъ вовсе не матеріалистиченъ и не безрелигіозенъ, и не амораленъ. Такъ, на примѣръ, марксистъ дѣйствительно согласится, что при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ раздѣленіе общества на классы и эксплуатация одного класса другимъ совершается по такому же необходимому закону, какъ и тотъ, по которому «большія рыбы поглощаютъ малыхъ». Болѣе того. Марксистъ не станетъ даже утверждать, что эксплуатация есть зло въ принципѣ. Онъ скажетъ только, что эксплуатация есть зло съ точки зрѣнія эксплуатируемаго. И въ то же время жажда соціальной справедливости въ марксизмѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ на примѣръ, у современныхъ христіанъ, у которыхъ какъ разъ наоборотъ: въ теоріи они должны были бы болѣзненно переживать наличие всякаго гнета, на практикѣ же равнодушно проходятъ мимо самыхъ темныхъ сторонъ нашей жизни.

При этихъ противорѣчіяхъ въ марксистскомъ міровоззрѣніи тѣмъ болѣе недопустимы тѣ упрощенія, которыми изобилуетъ статья Б. Вышеславцева. Такъ, на примѣръ, на протяжении нѣсколькихъ страницъ въ статьѣ объясняется, какъ одинъ изъ доводовъ противъ марксизма, принципъ несводимости высшей ступени бытія на низшую. При этомъ совершенно упускается изъ виду, что то же самое съ удовольствіемъ повторитъ каждый марксистъ, излагая одинъ изъ основныхъ законовъ діалектики, законъ перехода количества въ качество. Врядъ ли есть хоть одинъ учебникъ по діалектическому матеріализму, даже изъ самыхъ элементарныхъ, въ которомъ не было бы особаго отдѣла, посвященнаго критикѣ теоріи сведенія. Между прочимъ въ видѣ примѣра грубаго нарушенія принципа несводимости, часто дѣлаются указанія на опыты проф. Павлова, въ виду тенденціи сводить психическую жизнь организма на фізіологическіе рефлексъ. Что марксизмъ произвольно останавливается на полъ-дорогѣ и за высшую ступень діалекческаго развитія принимаетъ общественнаго человѣка — это вѣрно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что можно приписывать своему противнику то, чего онъ никогда не говоритъ.

«Марксъ обличаетъ буржуазію не за то, что она цѣнитъ экономическій фундаментъ и крѣпко вѣритъ въ него — онъ самъ вѣритъ только въ это — а за то, что она лицемеритъ и проповѣдуетъ духъ и духовность для успокоенія души... Важно, чтобы экономическій фундаментъ не былъ исключительно занятъ капиталистами, важно, чтобы на немъ устроился пролетаріатъ». На это коммунистъ вѣроятно отвѣтилъ бы, что вкусы и вѣрованія буржуазіи вообще ихъ мало интересуютъ. Коммунисты противъ существующаго общественнаго строя не изъ за лицемерія буржуазіи, а потому что строй этотъ основанъ на безжалостной эксплуатаціи, на низведеніи чело-вѣка до уровня рабочей скотины, на борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, приводящей къ кровавымъ и бессмысленнымъ войнамъ. Завоеваніе же экономического фундамента для пролетаріата вовсе не конечная цѣль, какъ думаетъ буржуазія, разсма-тривающая все съ точки зрѣнія экономического интереса. Для пролетаріата это только первый шагъ къ построенію безклассоваго общества, когда невозможны будутъ никакой гнетъ, никакая эксплуатація; не будетъ поводовъ для войны; когда постепенно будутъ отмирать аппараты принужденія, въ томъ числѣ и государство; когда чело-вѣкъ впервые освободится отъ тяжелой, изнуряющей борьбы за существованіе и «свободное развитіе каждаго станетъ условіемъ свободнаго развитія всѣхъ».

Такъ, или примѣрно такъ, отвѣтилъ бы коммунистъ. Обычныя указанія на Совѣтскую Россію онъ отвелъ бы въ сторону на томъ основаніи, что Совѣтской Россіи еще далеко до коммунизма, а что въ настоящее время тамъ развертывается ожесточенная классовая борьба — диктатура пролетаріата. Марксисты всегда прекрасно сознавали, что диктатура пролетаріата, какъ временная фаза, будетъ во многихъ отно-шеніяхъ прямо противоположной коммунистическому обще-ству. Можно оспаривать правильность и цѣлесообразность диктатуры пролетаріата, но это будетъ уже споромъ о мето-дѣ, а не конечной цѣли.

Нѣсколько словъ объ этическихъ принципахъ марксизма. Можно, конечно, говорить, что этика марксизма сводится къ положенію — пролетаріатъ можетъ всѣхъ угнетать и уби-вать, а его никто. Говорить можно, что угодно, но если статья была написана съ цѣлью помочь разобраться въ марксизмѣ, то такое изложеніе марксистской морали врядъ ли можно назвать удачнымъ. Особенно если тутъ же приводится и другой принципъ, который ужъ совсѣмъ безъ всякаго труда будетъ опровергнутъ любымъ комсомольцемъ. Это какое то парламентское заявленіе коммунистовъ, изъ котораго яко-

бы вытекаетъ принципъ, осуждающій индивидуальныя убійства, но оправдывающій убійство массовое. Примѣръ этотъ неудаченъ тѣмъ, что по немъ легко возстановить истинный смыслъ того, что было сказано коммунистами. Чтобы доказать свою непричастность къ отдѣльнымъ уличнымъ убійствамъ, имъ совсѣмъ не надо было дѣлать ссылокъ на пролетарскую мораль. Имъ достаточно было напомнить о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что въ 905-мъ году русскіе большевики не принимали участія въ террористическихъ актахъ, а все свое вниманіе удѣляли на работу въ массахъ, на подготовку вооруженнаго возстанія. Большевики были противъ террористическихъ актовъ, не потому что считали индивидуальныя убійства недопустимыми, а потому что видѣли въ нихъ вредную и ненужную трату силъ, ослабляющую партію, какъ разъ въ моментъ наибольшаго напряженія революціонной борьбы. Вѣроятно на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ и современные коммунисты. Этическій моментъ сюда совсѣмъ не входитъ. Это вопросъ *не этики, а тактики*. Этическая оцѣнка была дана раньше, когда было признано въ принципъ, что рабочій классъ можетъ и долженъ бороться за свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Интереснѣй всего, что такое противопоставленіе массоваго убійства индивидуальному, именно въ плоскости этической оцѣнки, что по словамъ Б. Вышеславцева является признакомъ предѣльнаго духовнаго помраченія, на самомъ дѣлѣ примѣняется не у коммунистовъ, а во взаимоотношеніяхъ современныхъ культурныхъ государствъ. Ни одно правительство (будемъ надѣяться) не пошлетъ наемныхъ убійцъ въ другое государство, потому что это безнравственно, и то же правительство, въ другой моментъ, не задумываясь обрушится на своего сосѣда со всей мощью своей арміи, съ танками, аэропланами и удушливыми газами.

Въ мою задачу не входитъ ни подробный разборъ статьи Б. Вышеславцева, ни, тѣмъ болѣе, защита коммунизма. Мнѣ хотѣлось только отмѣтить, что коммунизмъ есть явленіе несравненно болѣе глубокое и, главное, несравненно болѣе тревожное для нашей совѣсти, чѣмъ это многимъ кажется. Мнѣ хотѣлось также напомнить о старой истинѣ, что никогда не слѣдуетъ преуменьшать силъ противника. Пренебрежительно отмахиваясь отъ коммунизма, не желая видѣть въ немъ никакой идеи, никакой правды, мы тѣмъ самымъ безъ борьбы отходимъ въ сторону и только способствуемъ его дальнѣйшему развитію.

Бѣда въ томъ, что одной теоретической критикой марксизма вообще не подорвать. Лучшее опредѣленіе марксизма дано самими марксистами: марксизмъ — не догма, а руковод-

ство къ дѣйствию. Съ измѣненіемъ исторической обстановки измѣнится и марксизмъ. Вотъ что говорятъ сами марксисты (Р. Люксембургъ): «Это ученіе, подобно прежнимъ теоріямъ классической политической экономіи, прежде всего является духовнымъ отраженіемъ опредѣленнаго періода хозяйственнаго и политическаго развитія, а именно эпохи перехода изъ капиталистической фазы исторіи въ социалистическую... Насквозь проникнутое историческимъ духомъ, оно претендуетъ лишь на временную истинность. Насквозь діалектическое, оно въ себѣ самомъ носитъ зародышъ своей смерти... Тѣмъ самымъ ученіе Маркса будетъ рано или поздно, навѣрное, «ниспровергнуто» въ своей самой опасной для современнаго общественнаго строя части, но только *вмѣстѣ* съ существующимъ общественнымъ строемъ».

Вотъ этой злободневностью, а также порывомъ къ дѣйствию, и объясняется въ значительной степени устойчивость марксизма. Никакими теоретическими спорами, указаніями на недостаточность марксистской теоріи знанія и т.д., марксиста не поколеблешь. Единственная критика могла бы стать убійственной критикой марксизма — это противопоставленіе коммунизму активности христіанъ. Если бы мы могли сказать коммунистамъ: посмотрите, какимъ невѣроятнымъ страданіямъ и лишеніямъ вы подвергаете русскій народъ, и посмотрите, какъ благоденствуютъ и процвѣтаютъ христіанскія общества, какъ всѣ объединены въ дружномъ и братскомъ трудѣ, какъ создаются условія все болѣе благопріятныя для всесторонняго развитія личности, какъ уменьшается возможность новой войны... Если бы мы могли сказать нѣчто подобное или, по крайней мѣрѣ, четко и ясно намѣтить *свой* путь, но путь основанный на анализѣ объективныхъ условій, — многіе изъ марксистовъ перешли бы къ намъ.

Къ сожалѣнію христіанство отъ такой дѣйственной критики безконечно далеко. Христіанство въ массѣ еще даже не чувствуетъ, въ чемъ острота переживаемаго нами кризиса. Статья Б. Вышеславцева не есть исключеніе въ этомъ отношеніи.

В. Расторгуевъ.

Январь 1933 г.
Лондонъ.